

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ LXXXIII

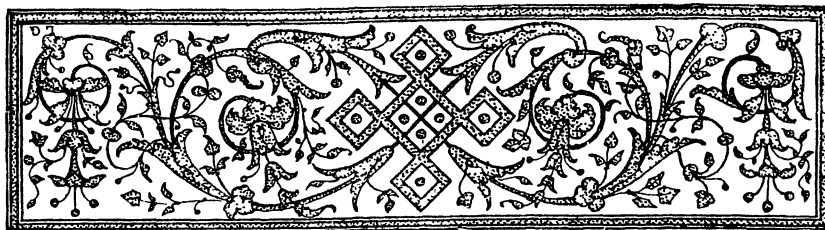
1901



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1901





ТРИ ВСТРѢЧИ СЪ Ѳ. М. ДОСТОЕВСКИМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

I.



БЫЛЪ еще совсѣмъ юнымъ студентомъ С.-Петербургской духовной академіи.

Была пятница Страстной недѣли. Мнѣ вздумалось пойти къ вечернѣ въ лаврскую церковь. Нужно замѣтить, что въ Александро-Невской лаврѣ церемонія выноса плащаницы совершается особенно торжественно: плащаница не выносится, а переносится изъ одной церкви (Св. Духа) въ другую (Троицкій соборъ). При переносѣ плащаницы, которую несетъ самъ митрополитъ, поетъ хоръ въ 120 человѣкъ. «Тебе одѣющагося» при этомъ исполняется настолько въ совершенствѣ, что это дивное исполненіе многіе пріѣзжаютъ послушать издалека. Разумѣется, чтобы видѣть всю церемонію съ начала до конца, нужно идти въ Свято-Духовскую церковь, откуда берется плащаница, потомъ съ народомъ сопровождать ее въ Троицкій соборъ. Но я имѣлъ обыкновеніе заходить сначала въ соборъ, чтобы приложиться къ мощамъ св. Александра Невского, потому что потомъ, при большомъ стеченіи народа, это трудно уже бываетъ сдѣлать.

Войдя въ соборъ и приложившись къ мощамъ, я направился уже къ выходу, какъ вдругъ замѣтилъ человѣка въ мѣховомъ

пальто, который очевидно чего-то ждалъ и безпокойно осматривался кругомъ, ища чего-то своими острыми, бѣгающими глазами. Черты лица его показались мнѣ знакомыми. Замѣтивъ, что онъ чего-то ждетъ или ищетъ, я подошелъ къ нему.

— Если вы мощей ищете, то онѣ вонъ тамъ, у праваго клироса,—сказалъ я и показалъ рукою.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я жду выноса плащаницы; но странно, что народа никого нѣтъ, а между тѣмъ уже два часа. Незамѣтно никакихъ приготовленій.

— Выносъ плащаницы будетъ не изъ этой церкви, а изъ другой сюда и послѣ вечерни, во время которой и будутъ сдѣланы всѣ приготовленія.

— А вы не можете мнѣ сказать, изъ какой церкви будетъ выносъ? Ихъ здѣсь не одна.

— Да пойдѣте со мною: я вамъ покажу, а мнѣ все равно по дорогѣ.

— Вотъ очень вамъ благодаренъ,—обрадовался незнакомецъ,—пойдемте, пойдѣте.

Мы вышли и скоро дошли до Свято-Духовской церкви. Я указалъ ему входъ.

— Большое вамъ спасибо! Не знаю, чѣмъ и отблагодарить васъ. Если у васъ будетъ какое либо затрудненіе, или нужда, я помогу. Вотъ моя карточка. Заходите безъ церемоніи.

Онъ приподнялъ шапку и ушелъ въ церковь.

На карточкѣ стояло: «*Отеодоръ Михайловичъ Достоевскій*».

Я бросился за нимъ въ церковь.

Въ это время выносили изъ алтаря плащаницу. Достоевскій стоялъ у колонны, смотрѣлъ на плащаницу и часто, часто крестился. Слезы градомъ катились изъ его глазъ. Выраженіе лица его было растроганное, умиленное.

Я понялъ теперь его выраженіе: «берегите дорогое достояніе—вѣру народную: у него есть чему намъ поучиться».

Затѣмъ народная волна подхватила меня и скрыла изъ моихъ глазъ Оеодора Михайловича.

II.

Наступило и прошло лѣто, подошла и осень. Учащаяся молодежь съѣхалась изъ провинціи, гдѣ она отдыхала на каникулахъ, и принялась за лекціи. Но на голодный желудокъ лекціи плохо воспринимались. А голодающей молодежи было много. Чтобы помочь бѣдѣ, интеллигенція Петербурга устраивала концерты и различные чтенія въ пользу нуждающихся студентовъ.

Принимали участіе въ этихъ чтеніяхъ и литераторы, напри-мѣръ, Григоровичъ, Потѣхинъ, Вейнбергъ, Достоевскій.

Въ Россіи, если присмотрѣться поближе къ ходу ея интеллектуальнаго развитія, въ каждый періодъ этого развитія былъ духовный руководитель, вождь. Сначала такимъ вождемъ (въ XIX столѣтіи) былъ Пушкинъ, потомъ—Гоголь и Бѣлинскій, затѣмъ—Добролюбовъ и Писаревъ. Когда улеглась буря, поднятая «реалистами», взоры всѣхъ обратились на Тургенева, вскорѣ передавашаго свое право «первородства» Достоевскому. Въ описываемый періодъ Достоевскій и былъ этимъ духовнымъ вождемъ русской интеллигенціи. Онъ находился тогда въ апогеѣ своей славы. Только что на открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ имъ была произнесена рѣчь, взволновавшая весь русскій интеллигентный міръ. Какъ извѣстно, многіе во время произнесенія этой рѣчи плакали, а одинъ юноша такъ былъ нервно потрясенъ, что упалъ въ обморокъ.

29 октября 1880 года, былъ назначенъ литературный вечеръ въ пользу недостаточныхъ студентовъ С.-Петербургскаго университета въ залѣ Кредитнаго общества. Въ чтеніи участвовали почти всѣ знаменитости. Отправился на этотъ вечеръ и я.

Стоялъ гуль отъ множества молодыхъ голосовъ, когда я вошелъ въ залу. Масса молодежи толпилась и сновала тамъ взадъ и впередъ. Были тутъ и длинноволосые студенты, и стриженные курсистки, были и литераторы, были и аристократы. Какое-то тихо-торжественное и вмѣстѣ радостное настроеніе господствовало у молодежи. Чувствовалось, что начнется сейчасъ что-то важное и въ высшей степени интересное. Молодежь увидитъ и услышитъ сейчасъ своихъ любимцевъ.

— Вотъ это Потѣхинъ,—говорилъ мнѣ товарищъ, указывая на русаго, длинноволосаго и длиннородаго мужчину среднихъ лѣтъ,— а это—Григоровичъ,—говорилъ онъ о высокомъ господинѣ съ густой гривой волосъ, ходившемъ между публикою.

Ударилъ колокольчикъ. Толпа перестала сновать. Всѣ заняли свои мѣста и устремили взоры на эстраду. Я въ первый разъ видѣлъ «настоящихъ» писателей, а потому весь обратился въ слухъ и зрѣніе. Вотъ вышелъ какой-то незначительный поэтъ и прочелъ свое стихотвореніе. Затѣмъ вышла актриса и прочла стихотвореніе Шиллера: «Бѣлое покрывало».

Чѣмъ дальше, тѣмъ шумнѣе становились рукоплесканія, которыми награждались чтецы. Но я не могу описать той бури восторга, которая встрѣтила появленіе Ѳ. М. Достоевскаго.

Вотъ онъ появился на эстрадѣ, блѣдный, взволнованный.

«Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился»...

Началъ онъ тихимъ и проникновеннымъ голосомъ. Голосъ его постепенно возвышался, крѣпъ, становился звонче, и достигъ необычайной силы и энергіи, когда онъ читалъ:

«И, обходя моря и земли,
Глаголомъ жгги сердца людей»...

Ураганъ апплодисментовъ поднялся послѣ прочтенія Достоевскимъ этого стихотворенія. Нѣкоторые, не удовлетворяясь рукоплесканіями и криками: «браво!» стучали стульями о полъ. Курсистки же, какъ болѣе увлекающійся народъ, прямо кричали:

«Браво, пророкъ! Пророкъ, Ѳедоръ Михайловичъ! Достоевскій, пророкъ!»

Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить Пушкинскаго пророка и Достоевскаго, то выходило, какъ будто между ними было много общаго. Пушкинскій пророкъ въ «пустынѣ мрачной влачился»— и Достоевскій былъ въ пустыняхъ Сибири. Въ пустынѣ пророку является ангелъ, указываетъ ему путь служенія человѣчеству— и Достоевскій, послѣ каторги, начинаетъ «глаголомъ жечь сердца людей». Въ довершеніе сходства съ библейскимъ пророкомъ Достоевскій прочелъ и Лермонтовскаго «Пророка». Сходства было еще больше съ Лермонтовскимъ пророкомъ, который сталъ провозглашать «любви и правды чистыя ученья». Онъ былъ худъ и блѣденъ, какъ и пророкъ Лермонтова. Сходство, значитъ, полное... И вотъ еще громче раздались крики: «пророкъ, пророкъ!»

Такъ какъ я очень близорукъ, то протискался впередъ, чтобы поближе разглядѣть его: не было сомнѣнія—это былъ тотъ самый господинъ, который встрѣтился со мною въ лаврѣ.

Вызовамъ его не было конца. Онъ уходилъ и, блѣдный, взволнованный, потрясенный этимъ шумнымъ поклоненіемъ молодежи, этимъ бурнымъ проявленіемъ любви, медленно проходилъ рядами этой молодежи, чтобы взойти на эстраду и раскланяться предъ этими юношами съ горящими восторгомъ глазами.

Нѣкоторымъ казалось мало того, что они шумно выкрикивали: «Пророкъ!»—они подбѣгали къ нему, хватали его за фалды сюртука и восклицали: «браво, Ѳедоръ Михайловичъ!»

Съ безконечно доброй и вмѣстѣ грустной улыбкой Ѳ. М. пожималъ имъ руки и спѣшилъ уходить въ другую комнату.

Вечеръ кончился. Литераторы разъѣзжались. Но долго еще молодежь продолжала вызывать Достоевскаго, пока распорядитель вечера, которымъ былъ, кажется, Григоровичъ, не вышелъ и не объявилъ, что Достоевскій уже уѣхалъ.

Помню, что мы вышли съ моимъ товарищемъ С. А. П—скимъ чуть не послѣдними съ вечера и шли, блаженные и безконечно довольные.

— Да, — говорилъ мнѣ П—скій, — такого вечера, пожалуй, не повторится.

Дѣйствительно, такихъ вечеровъ больше не было. Были интересные вечера по обилію участвовавшихъ въ нихъ литературныхъ силъ, но такого подъема духа, такого восторженнаго настроенія на литературныхъ вечерахъ я потомъ уже не видалъ.

III.

Третья и послѣдняя моя встрѣча съ Ѳ. М. Достоевскимъ произошла по слѣдующему случаю.

Я началъ тогда пописывать. Стихи свои я печаталъ въ то время въ журналѣ «Слово», издаваемомъ Коропчевскимъ. Но мнѣ показалось недостаточнымъ, что я печаталъ стихотворенія, я затѣялъ еще написать поэму. Это было неуклюжее и нескладное созданіе, все проникнутое любовью къ народу и учащейся молодежи. Когда я писалъ ее, мнѣ казалось, что изъ нея выйдетъ нѣчто великое, но когда кончилъ и прочелъ, то и самъ нашелъ, что въ поэмѣ что-то неладно. И меня взяло сомнѣніе относительно того, есть ли у меня талантъ.

Этотъ вопросъ сильно меня беспокоилъ. Другой вопросъ, который волновалъ меня не менѣе, если не болѣе перваго, былъ объ истинѣ бытія Божія, о безсмертіи души и о необходимости нравственной жизни.

Въ дѣтствѣ я былъ очень религіозенъ, но когда мнѣ минуло 16 лѣтъ, общее увлеченіе молодежи Дарвиномъ, Спенсеромъ и теоріей эволюціи увлекло и меня—и я сдѣлался скептикомъ, хотя по привычкѣ и продолжалъ ходить въ церковь. Нравственности я не отвергалъ, хотя и чувствовалъ, что безъ религіи одной нравственности недостаточно. Да и въ самой системѣ атеизма, по моему крайнему разумѣнію, были большіе пробѣлы. Кромѣ того, меня занималъ вопросъ о народничествѣ.

И вотъ я рѣшилъ отправиться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ Ѳ. М. Достоевскому.

Достоевскій охотно принималъ тогда молодежь, особенно обращавшуюся къ нему за разрѣшеніемъ какихъ либо вопросовъ.

Жилъ онъ тогда въ Кузнечномъ переулкѣ.

Я взошелъ по лѣстницѣ и позвонилъ.

Вышла горничная.

— Вамъ кого угодно?

— Ѳедора Михайловича.

— Какъ о васъ доложить?

— Скажите, что студентъ такой-то.

Черезъ минуту она вернулась.

— Пожалуйста.

Я вошелъ въ кабинетъ Достоевскаго. Помню, что въ первое время я не обратилъ вниманія на обстановку и уже послѣ замѣтилъ широкій письменный столъ у окна, этажерку съ книгами, массу бумагъ на столѣ и бюстъ Пушкина въ углу, на тумбочкѣ. Все вниманіе я обратилъ на самого хозяина этого кабинета. Большой, бѣлый, открытый, слегка лысоватый лобъ, русское лицо,

свѣтло-русая, рыжеватая, довольно рѣдкая, съ просѣдью, борода. На правой щекѣ родинка. Глаза сѣрые, умные и проницательные.

— Здравствуйте! Ну, что вамъ?—обратился онъ ко мнѣ задушевымъ тономъ, видя, что я смѣшался и не знаю, что говорить.

— Садитесь, пожалуйста.

Тутъ я молча полѣзъ въ боковой карманъ своего сюртука и досталъ свою поэму и нѣсколько мелкихъ стихотвореній.

— Вотъ, Ѳедоръ Михайловичъ, если не трудно вамъ будетъ, то, пожалуйста, потрудитесь просмотрѣть и сказать, есть ли у меня талантъ.

— Печатаетесь?

Я сказалъ.

Онъ пробѣжалъ стихотворенія.

— Стихи продолжайте, современемъ еще больше усовершенствуетесь... А это что такое? Поэма? Да нынче ихъ никто и не пишетъ.

Онъ быстро перелистывалъ ее, посмотрѣлъ начало, середину и конецъ.

— Ну, вотъ это слабо. Видно, что вы жизни не знаете, что вы совѣмъ зеленый мальчикъ. Я бы вамъ совѣтовалъ поэмы бросить, писать стихи, а повѣстей не писать до тѣхъ поръ, пока не узнаете жизни. Слогъ у васъ, очевидно, есть, но съ жизнью вы еще совѣмъ незнакомы. Да если и познакомитесь, вы будете писать лучше такія вещи, которыя сами пережили, чѣмъ такія, о которыхъ приходится слышать: у васъ талантъ, что называется, субъективный. Еще разъ повторяю: подождите прозой писать, наблюдайте жизнь, вдумывайтесь въ ея явленія, а пуще всего прислушивайтесь къ движеніямъ собственной души... Лѣтъ черезъ 5—10 можете начать писать прозой.

Я поблагодарилъ Ѳедора Михайловича.

— Это все, что вы имѣли мнѣ сказать?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я не сказалъ вамъ самаго главнаго, зачѣмъ я пришелъ.

— Что же это?

Тутъ я подробно изложилъ ему свою исповѣдь и то, въ чемъ была моя вѣра.

Я кончилъ и замолчалъ, тревожно глядя на Ѳедора Михайловича.

Онъ молчалъ, грустно и укоризненно качая головой.

— Изъ какого вы учебнаго заведенія?

Я сказалъ.

— Боже мой! Даже и туда закралось невѣріе?...

И онъ снова грустно покачалъ головой.

— Если бы люди всѣ, т. е. человѣчество, отказались отъ вѣры въ Бога, сдѣлались атеистами и поняли бы, что они остались совѣмъ одни, какъ желали того, то разомъ почувствовали бы великое сиротство свое. Какъ безпомощны и жалки показались бы они

себѣ! Безъ Бога, безъ Христа, безъ вѣры въ Единаго Безгрѣшнаго и всеискупляющую кровь Его! Боже! что бы это было за время!.. (Онъ помолчалъ). Но этого никогда не будетъ, никогда, никогда!.. (Онъ устремилъ загадочный взглядъ куда-то въ пространство).

— Знаете, что? Я бы и васъ, и всѣхъ молодыхъ людей съ вашими взглядами сослалъ въ каторгу. Что вы улыбаетесь? Право, сослалъ бы! Отъ народа вы тамъ научились бы вѣровать въ Бога и чтить святую правду Его. Прежде всего увѣруйте въ Бога всѣми фибрами вашего существа, въ Христа-Искупителя, въ Христа-Любовь. А затѣмъ, если вы почувствовали, что вамъ тяжело ѣсть, пить и ничего не дѣлать, и если дѣйствительно вамъ стало жаль бѣдныхъ, которыхъ такъ много, то отдайте имъ свое имѣніе и идите работать на пользу общую и получите «сокровище на небеси, тамъ, гдѣ не копятъ и не собираютъ». Но не раздача имѣнія обязательна, не надѣваніе зипуна,—все это лишь буква и формальность: обязательна и важна лишь рѣшимость ваша дѣлать все ради дѣятельной любви, все, что вы сами искренно признаете для себя возможнымъ. Всѣ эти старанія «опроститься»—лишь одно переряживание, васъ унижающее. Вы слишкомъ «сложны», чтобы опроститься. Лучше мужика вознесите до вашей «осложненности». Будьте только искренни и простодушны; это лучше всякаго опрощенія. Не говорите также: «не даютъ ничего дѣлать», «связываютъ руки» и пр. Кто хочетъ приносить пользу, тотъ и съ буквально связанными руками можетъ сдѣлать бездну добра. У насъ одно изученіе Россіи сколько времени займетъ, потому что вѣдь рѣдко какой человѣкъ у насъ знаетъ Россію. У насъ, въ Россіи, надо насаждать истинныя понятія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Нынѣ полагаютъ свободу въ разнузданности страстей, тогда какъ истинная свобода состоитъ лишь въ одолѣніи себя и воли своей, такъ чтобы подъ конецъ достигнуть такого нравственнаго совершенства, чтобы всегда быть настоящимъ хозяиномъ самому себѣ. Нынѣ полагаютъ свободу въ денежномъ обезпеченіи, а въ сущности это не свобода, а рабство деньгамъ. Самая высшая свобода, напротивъ, не копить и не обезпечивать себя деньгами, а раздѣлить всѣмъ, что имѣешь, и пойти всѣмъ служить. Если это сдѣлаютъ всѣ люди, то ужъ, конечно, они станутъ братьями. А гдѣ братство, тамъ будетъ и равенство. Но прежде всего нужно увѣровать въ Бога, въ русскаго Христа, который, «удрученный ношей крестной, нашу Русь исходилъ, благословляя», нужно полюбить народъ и святую правду его. Я хотѣлъ написать книгу объ Иисусѣ Христѣ, гдѣ намѣревался показать, что Онъ есть чудо исторіи, и появленіе такого идеала, какъ Онъ, въ человѣчествѣ, въ этомъ грязномъ и гнусномъ человѣчествѣ, есть еще большее чудо. Я хотѣлъ доказать еще, что этимъ нравственнымъ обликомъ Христа, какъ дерево соками, жило, живетъ и сотни вѣковъ еще будетъ жить желовѣчество... Нѣтъ,

молодой человекъ, вспомните, что вамъ въ дѣтствѣ говорили отецъ и мать: «Есть Богъ и есть святая правда Его!»

Онъ кончилъ эту тираду со слезами на глазахъ. Не помню, какъ я простился съ нимъ, какъ дошелъ до дома, и не помню, какъ окончилъ этотъ день.

Но помню, что съ того дня во мнѣ произошелъ громаднѣйшій нравственный переворотъ. Изъ невѣрующаго я сталъ горячо убѣжденнымъ христіаниномъ, а народничество мое, вмѣсто того, чтобы принять форму моднаго тогда радикализма и «хожденія въ народъ», приняло ту форму, какую оно имѣло у Достоевскаго. Я сталъ всматриваться, во что народъ вѣритъ, чему онъ поклоняется, какіе его идеалы, какія историческія начала его. Изъ западника я превратился въ истинно-русскаго человека. Съ захватывающимъ интересомъ и жаднымъ вниманіемъ вчитывался я въ послѣдній романъ Достоевскаго: «Братья Карамазовы», и съ радостію находилъ въ немъ развитіе и подтвержденіе тѣхъ взглядовъ, которые онъ высказывалъ мнѣ въ эту послѣднюю свою встрѣчу со мною.

IV.

Зимою 1880—1881 года я собирался еще разъ сходить къ Достоевскому и попрощаться съ нимъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году я уже оканчивалъ курсъ и, ожидая назначенія на мѣсто въ провинцію, думалъ навсегда разстаться съ Петербургомъ. Но 28-го января 1881 года Достоевскаго не стало. Мы съ однимъ изъ товарищей отправились на квартиру Достоевскаго. Встрѣтила насъ на этотъ разъ жена Достоевскаго, Анна Григорьевна, и, отирая градомъ катившіяся слезы, повела насъ къ гробу, въ которомъ покоился Федоръ Михайловичъ.

«Недвижимъ онъ лежалъ—и страшенъ
 Былъ томный миръ его чела».

Глубокое спокойствіе и какая-то дума были на лицѣ этого человека, одного изъ величайшихъ и типичнѣйшихъ русскихъ людей. Неподалеку отъ гроба сидѣлъ поэтъ А. Н. Майковъ. Тутъ же были и дѣти Достоевскаго: дѣвочка лѣтъ 12 и мальчикъ 8—9 лѣтъ.

Мы молча поклонились праху Федора Михайловича.

— Какой семьянинъ, какой семьянинъ-то былъ! — повторяла Анна Григорьевна.—Какъ онъ любилъ меня и дѣтей!

Студенты нашей «almae matris» сдѣлали складчину и заказали скромный вѣнокъ изъ лавровъ на гробъ Достоевскому. Мнѣ выпала честь нести этотъ вѣнокъ. Необычайно громадная толпа народа провожала тѣло Федора Михайловича изъ квартиры въ мѣсто его вѣчнаго упокоенія, въ Александро-Невскую лавру.

Въ этой массѣ соединились люди всѣхъ направленій и всѣхъ отгѣнковъ. Забыто было, какого онъ держался образа мыслей, забыто было все, былъ только признанъ и помнился всѣми его могучій, гениальный умъ, да колоссальный талантъ, да пламенѣвшее любовью къ людямъ великое сердце. Отпѣвали его въ той самой церкви, гдѣ Богъ судилъ мнѣ впервые съ нимъ встрѣтиться; тамъ же я далъ ему и прощальный поцѣлуй.

А. А. Зеленецкій.

